Проснувшись во второй раз за этот день, он испытывает легкое беспокойство, поскольку просыпается один. С первой ночи, проведенной с новыми соседями по комнате, он каждый раз просыпался в багровом свете. Он лежал и думал, что же происходит, когда внезапный крик дал ему понять, что в доме Гремори все в порядке.

— ААККЕЕННОО! Что я говорил о попытке пробраться в его комнату? Я же говорил тебе об этом вчера, не так ли, Акено?

— Ара, ара Бучо. Ты сказала, что я не могу пробраться к нему ночью. Сейчас уже полдень, и на улице все еще светло, поэтому я могу прокрасться в комнату.

— Это неважно, Акено, ты крадешься, потому что на тебе твоя белая юката, твоя прозрачная белая юката!

Он вздрагивает, когда дверь открывается и внутрь заходит какая-то фигура, но тут же выдыхает, когда перед ним появляется Конеко, стоящая к нему спиной и несущая поднос. Первое, что он замечает, - ее волосы уже не просто светлые, а чисто белые, пробивающиеся у корней. Она оборачивается и видит, что он наблюдает за ней; улыбка появляется на ее лице, когда она понимает, что облегчение явно формируется.

— Ты проснулся, Они-сан. Я принесла тебе обед, если ты голоден, — Подросток подходит к его кровати.

Взяв у нее поднос, он ставит его себе на колени и показывает на ее волосы, когда начинает снимать крышку со своей тарелки.

— Твои волосы изменились, Конеко. Ты красишь их или что-то еще?

Она подсознательно прикасается к своим волосам, а затем хмурится.

— Нет, Они-сан, краска снова вымывается.

— Вымывается? Ты красишь волосы в блонд, Конеко?

— Да, Они-сан, потому что, когда я училась в начальной школе, другие дети дразнили меня. Называли меня альбиносом или Широ, даже...

— Они дразнили тебя из-за цвета волос Конеко? — Она вздрагивает, услышав гнев в его голосе.

Медленно кивнув, она чуть не подпрыгнула, когда его руки схватили ее и притянули к себе.

— Больше не надо красить волосы, Конеко. Отныне я хочу видеть твой настоящий цвет волос, и если кто-то будет тебя беспокоить, я их отчитаю, поняла?

— Да, Они-сан, — Она улыбается ему и садится рядом с ним, когда он снова начинает есть.

Однако мир разрушается, когда в комнату врывается разъяренная Риас и останавливается, взглянув на Ичиго, который сидит в кровати и ест, а Конеко сидит сбоку от него. Оба смотрят

на нее с нейтральным выражением лица.

— Что? Неужели девушка не может зайти в свою комнату без того, чтобы на нее не пялились?

— В свою комнату? — Голос Ичиго становится опасным, но это никак не влияет на дочь Гремори.

— Ты прав, Ичиго. Не моя, а наша комната, — С улыбкой заканчивает она.

Когда Акено и Харуми заканчивают готовить чай для всех, наверху раздается громкий треск, а вскоре из комнаты оранжево-волосой соседки раздаются крики.

— Фуфуфу, похоже, Ичиго только что узнал о новом спальном месте Харуми-тян.

— Я бы согласилась, Акено-сан, но не думаю, что он пока с этим согласен, — Горничная продолжает готовить легкий обед для девочек.

Вскоре на кухню входит Конеко, и улыбка на ее лице заставляет обеих пожилых женщин остановиться.

— Конеко?

— Я в порядке, Акено-нисан. Они забавные, Риас-сама и Ониисан. Я и не знала, что тарелка может пробить кирпич.

Акено и Харуми качают головами, пока Конеко и Акено садятся обедать, а Харуми идет за Риасом. Обе дьяволицы ждут, пока их хозяйка направится в столовую, когда шум наконец утихнет.

— Конеко-чан, насколько сильно Ичи-кун был зол?

Конеко-тян пожимает плечами, играя с палочкой сельдерея, и рассказывает свою версию.

— Сначала он был очень зол, но Бучо не сразу смогла возразить, что он гость, пострадавший гость, и она будет виновата, если с ним снова что-то случится. Он попытался сказать, что ему достаточно места в другом конце коридора, но она ударила его по его новому положению.

— Ее новая подушка для объятий.

— Да. И это его не радует.

— Я сказала, что он проиграет этот спор. Теперь он его проиграл, а теперь, похоже, теряет и свою комнату.

Новый голос заговорил, несколько удивив двух сидящих.

— Он видит ошибочность своего пути, Акено. Так что отныне у нас больше не будет разногласий.

Акено ухмыляется, задавая очевидный вопрос.

— Как тебе это удалось, Бучо?

— Я позаботилась об этом, Акено-чан, — говорит старшая гремори, забегаая за угол следом за дочерью. — Никогда в жизни не видела, чтобы мужчина так краснел при одном упоминании слов "отец", "дочь", "обнаженная" и "постель".

— Кстати, об отце: он придет с братом и Аминтас-сама, мама? — говорит Риас, занимая место рядом с Акено.

Передав дочери тарелку, она утвердительно качает головой.

— Да, твой отец, брат и Аминтас придут около трех часов дня. Думаю, они сами убедятся в его состоянии, а потом поужинают с нами. Аминтас пробудет здесь до позднего вечера воскресенья, после чего вернется в свои владения. Твой брат и Грейфия отправятся домой сегодня вечером; я же останусь на несколько недель, прежде чем отправлюсь домой. Может быть, мне удастся убедить Грейфию разрешить Милликасу остаться на выходные.

Акено взвизгнула, услышав имя племянника своего хозяина.

— О, я надеюсь, что он сможет остаться, госпожа Венелана. Я бы хотела увидеть его и Ичи-куна в одной комнате. Временами они оба такие серьезные, что я думаю, не станет ли Милликас-кун таким же, как сын Ичи-куна, — В глазах садиста появилось мечтательное выражение.

— Ну что ж, прежде чем выдать Ичиго замуж, нужно подготовить комнату для Аминтаса, Хьюго и меня на время нашего пребывания. Также нам нужно купить продукты для сегодняшнего ужина, потому что я думаю, что было бы здорово, если бы вы, Риас и Акено-тян, пришли. Ты же знаешь, что отец и брат обожают твою стряпню, Риас, как и твою, Акено-чан.

— Думаю, пищевое отравление звучит лучше, мама, — говорит Риас с ворчливой ноткой в голосе.

Венелана хмурится, глядя на дочь.

— Я знаю, что ты расстроена тем, что они сделали, Риас, но они должны были что-то сделать с кланом. Я знаю, что тебе обещали, по крайней мере, до окончания школы, Риас, но я не хочу, чтобы ты отказывала себе в удовольствии, даже если у него случайно окажутся оранжевые волосы и карие глаза.

Риас перестала жевать и медленно посмотрела на мать. Неужели она только что сказала то, что я думаю?

— Теперь, Акено-чан, после обеда мы с тобой пойдем гулять, и я хочу, чтобы ты сводила меня в те причудливые магазинчики в старой части города. Мы оставим твою угрюмую Бучо здесь, чтобы она позаботилась о своей соседке. Конечо, ты можешь присоединиться к нам или остаться.

— Я пойду, Венелана-сама, — говорит подросток.

— Тогда решено. Риас, повеселись со своим Ичиго. Уверена, скоро он успокоится и сможет подойти.

'Она не подошла. Нет, не подошла. Я не могу в это поверить. Я... я должен делить с ней свою комнату!'

Ичиго лежал в своей кровати, уставившись в потолок. Его разум пытался понять, что Риас не только будет спать в его постели каждую ночь, но и что ее мать одобряет это.

'Я живу в доме сумасшедших. Вот именно, в доме сумасшедших. Как она могла? А Риас все это время хмыляется, позволяя своей матери шантажировать меня этим.'

'Могло быть и хуже; она могла сказать, что все трое будут спать со мной!'

— Ичиго?

'Говорите о дьяволе, и вы получите.'

— Да, Венелана.

— Могу я войти?

— Конечно. Входите.

<http://tl.rulate.ru/book/103476/4537559>